

***Человек: пол неизвестен, а род мужской,
и это не сексизм***

© И. Г. МИЛОСЛАВСКИЙ,
доктор филологических наук,

В статье противопоставлены **род** существительных как свойство слова, последовательно проявляющееся у всех существительных в выборе форм других слов, связанных с этим существительным, и **пол** как номинативная характеристика обозначенного словом живого существа. Рассмотрены различные случаи оформления корреляции по полу, среди которых ведущую роль играет словообразовательная модификация существительных по параметру «женский/мужской пол», а не различия в сочетаемости слов. Отмечены случаи ассоциативного переосмысления рода слова как пола существа в некоторых художественных текстах. Даются рекомендации производителю речи для избежания нарушений норм в связях слов (род) и для обозначения характеристики живого существа по полу.

Ключевые слова: род существительных, пол лица и животного, модификация, словообразование, морфология, суффиксация, художественный текст, ортология, производитель речи.

The author makes clear the opposition «gender» as a type of grammatical agreement for every noun in Russian and «sex» as a nominative feature of a creature, human being or animal. The main role in expressing such features as «male», «female» or «unknown sex» plays suffixation. In Russian there are many suffixes connecting with

the meaning, mostly with «female», the reader finds some recommendations for their usage. In the article is showed how the gender of nouns can have associational connection with sex only in the texts of poetry and folk-lore. A Russian speaker will find in the article some useful recommendation for avoiding formal mistakes, connecting with the gender of nouns and for expressing such semantic features of a creature as «male», «female» or «unknown sex» in a better way.

Key words: Gender of nouns, sex, male, female, word-formation, morphology, suffixation, fiction, speak producer.

Принято считать, что знанию противостоит невежество, или незнание. Однако в жизни главным врагом настоящего знания выступает не невежество, а полужнание. Оно обычно весьма агрессивно стремится выдать себя за истинное знание и, испытывая, видимо, комплекс неполноценности, старается просто игнорировать те факты и явления, которые в это полужнание не вписываются.

Одно из важных проявлений такого полужнания состоит в наивном представлении, будто грамматические характеристики слов отражают характеристики предметов и явлений объективной действительности. Это наивное представление по умолчанию (!?) лежит в основе школьного преподавания русского языка, когда, например, обычно не различается время грамматическое и реальное. Например, *Вдруг сырный дух лису остановил* (прошедшее грамматическое), *лисица видит* (настоящее грамматическое) *сыр*, *лисицу сыр пленил* (прошедшее грамматическое). *Плутовка к дереву на цыпочках подходит* (настоящее грамматическое), *вертит* (настоящее грамматическое) *хвостом*, *с вороны глаз не сводит* (настоящее грамматическое) *и говорит* (настоящее грамматическое) *так сладко, чуть дыша: «Голубушка! Как хороша!»*.

Нетрудно видеть, что реально все обозначенные действия относятся к прошлому. Множественное число существительных и реальная множественность предметов также не всегда совпадают. Например, *дома*, *предрассудки*, *пожары*, где грамматическая и реальная множественность совпадают, и *сливки*, *дочки-матери*, *Альпы*, где грамматическое множественное вообще никак не может быть осмыслено как реальное количество, и *сани*, *ножницы*, *ворота*, где грамматическое множественное оставляет вопрос о количестве соответствующих предметов без всякого ответа. Подобное же разграничение необходимо и для повелительного наклонения глагола как грамматической характеристики и призыва к действию как к характеристике действительности. В рассказе жены коменданта Белогорской крепости в «Капитанской дочке» А.С. Пушкина: *А Алексей-то Иваныч и заколи поручика* глагол в повелительном наклонении обозначает реальное неожиданное действие в прошлом. А слова В.В. Маяковского *«И будь я и негром преклонных годов, и то без унынья и*

лени я русский бы выучил» вовсе не содержат призыв к тому, чтобы стать негром преклонных годов, но сообщают об условии, которое обозначено формой повелительного наклонения **будь**.

Подобное наивное и печальное неразличение существует нередко и по отношению к **роду** как грамматической характеристике имени существительного и **полу** как к характеристике живого существа.

Род — это такая характеристика имени существительного, которая проявляется в том, что разные существительные соединяются с разными формами определяющих эти существительные прилагательных (местоименных прилагательных, так называемых порядковых числительных). Например, *дом — большой, этот, новый*, а *улица* уже не может соединиться с теми же формами, это слово соединяется с формами *большая, эта, новая*; ни один из этих обоих рядов форм не соединяется со словом *шоссе*, в этом случае выступает еще один ряд *большое, это, новое*. Общеизвестно, что в зависимости от формальных признаков, различающих эти три типа наборов, выделяются соответственно существительные мужского, женского и среднего родов.

В школьной практике преподавания русского языка умению определять род существительных уделяется большое внимание. Дело в том, что именно родовая принадлежность регулирует многие правила орфографии: написание *ь* в конце слова после шипящих (*нож*, но *рожь*), написание некоторых суффиксов (*морозец* — мужской род, *лужица* — женский род, *креслице, ружьецо* — в последнем случае влияет не только средний род, но также место ударения) и некоторые другие. Эта сугубо орфографическая ценность определения родовой принадлежности, равно как и относительная легкость решения этой задачи уведут от более глубокого осмысления того, что же такое род существительных.

Повторим, что род — это способность существительных соединяться с разными формами определяющих их слов. Это обстоятельство при решении практических задач нередко игнорируется и в качестве способа, определяющего род, используется возможность замены существительного на *он, она* или *оно*. Давая обычно тот же результат, что и использование форм определяющих слов (*хороший, хорошая, хорошее*), этот способ может приводить и к смешению того, что следует различать, исходя из определенного рода. Например, возможно *учитель, секретарь, директор* и т.п. — *он*, и *учитель, секретарь, директор* и т.п. — *она*, хотя принцип согласования однозначно требует признать *учитель, секретарь, директор* словами мужского рода. С ними возможно только такое определяющее, как *хороший*, но не *хорошая*. По крайней мере, в пределах русского литературного языка (см. об этом далее).

Отвлекаясь от вопроса о том, как род существительных служит орфографии, следует задаться вопросом о числе родов существительных в русском языке. Принято считать род такой характеристикой, которая

охватывает **все** существительные русского языка. Нетрудно видеть, что в системе трех родов нет места для слов, обладающих формами только множественного числа. Среди этих слов имеются как слова, обозначающие в принципе не считающиеся предметы (*сливки, пряталки, Альпы* и др.), так и слова, обозначающие абсолютно конкретные, а, следовательно, считающиеся предметы (*сани, ворота, ножницы, часы, брюки* и т.п.). Разумеется, строго формально можно объявить обе группы таких слов дефектными и полагать, что их согласование с определяющими словами происходит так же, как во множественном числе любого из трех родов. Однако такое решение весьма болезненно, поскольку не отвечает прямо на вопрос, каким же родом, как обязательным признаком, характеризуются эти слова, часть которых обозначает и считающиеся предметы.

Признание этих слов группой, обладающей собственной родовой принадлежностью, требует выделения еще одного, четвертого, рода. Грамматики, которые так поступают, называют этот род парным, поскольку значительная часть слов такого типа обозначает предметы, состоящие из двух частей. Впрочем, это название, как и мужской, женский, средний, весьма условно. Ведь среди этой группы слов немало таких, которые вовсе не называют «предметы из двух частей», а с другой стороны, существует немало слов, называющих «предметы из двух частей», но отнюдь не принадлежащих к парному роду (*рубашка, платье, улица, шоссе* и др.).

Однако расширением количества родов как характеристики, опирающейся на форму определяющих слов, до четырех, вопрос не исчерпывается. Дело в том, что ряд существительных образует правильные, т.е. допустимые в русском языке сочетания с определяющими словами, выступающими и в мужском, и женском роде: *ужасный грязнуля* и *ужасная грязнуля* (*забияка, обжора, задира, разиня*) и т.д., включая и некоторые собственные имена, такие, как Саша, Женя, Валя. О таких существительных грамматики говорят, что они — общего рода.

Остановимся на этом вопросе подробнее. Очевидно, что обычно форма согласуемых слов во всех четырех выделяемых родах на 100% однозначно предопределена самим существительным, а если так, абсолютно лишена собственного семантического содержания. Как лишено содержания сообщение о событии, вероятность которого была заранее предопределена как абсолютная. Ценной информация становится лишь тогда, когда нам сообщают о событии, вероятность которого была лишь одной из нескольких, но не единственной, возможностью. В таком случае эта информация получает ценность. Например, сообщения о том, что завтра утром взойдет солнце, и о том, что подброшенная монета упадет решкой вверх, что вытянутая из колоды карта будет пиковой дамой или ваш лотерейный билет выиграет крупную сумму денег. То же самое и с родом. *Хороший дом* и *хорошая жизнь* имеют разные по форме

определения, никак, однако, не различающиеся смыслом, ведь форма каждого из них полностью зависима от свойств определяемого существительного. Иное дело *наш староста* и *наша староста*, здесь появлени формы *наш* имеет содержательную ценность, называя лицо мужского пола, а форма *наша* называет лицо женского пола.

Продолжим наши логические рассуждения о количестве родов в русском языке. Иначе, чем недоразумением нельзя назвать то обстоятельство, что, определяя родовую принадлежность существительных, мы оперируем только их словарными формами, т.е. именительным падежом (обычно единственного числа, если, конечно, у существительного имеется такая форма). Если принять во внимание не только словарную форму существительного, но весь набор составляющих парадигму этого существительного и состоящих обычно из 12 членов (6 падежей x 2 числа), то сохранить единство, например, мужского рода никак не удастся. В самом деле, нельзя перенести весь набор, определяющий, например, существительное *дом* (*хороший – хорошего – хорошему – хороший – хорошим – хорошем*) к парадигме существительного *мальчик*. Очевидно, что расхождение между двумя наборами предопределяет форма винительного падежа (*вижу хороший дом, но хорошего мальчика*). И пусть эти наборы различаются лишь в одной-единственной позиции, - они разные. Рассуждения об одушевленности-неодушевленности как о факторе, определяющем это различие, абсолютно правильны, но вовсе не уместны. Мы с самого начала определили род как способность сочетаться с разными формами определяющих слов, а для слов *дом* и *мальчик* эти наборы разные, а, следовательно, эти слова и принадлежат к двум различным родам, мужскому неодушевленному (*дом*) и мужскому одушевленному (*мальчик*).

Нетрудно видеть, что различие в наборах определяющих слов существует у слов мужского рода и во множественном числе: *вижу хорошие дома, но вижу хороших мальчиков*. И пусть эти наборы во всех других падежах множественного числа совпадают, это все же разные наборы. Еще раз подчеркну, что речь идет не о различии в окончаниях существительных (*вижу дома*, как в именительном, но *вижу мальчиков*), но именно в различии форм определяющих согласованных слов.

Очевидно, что существительные женского и среднего рода в единственном числе винительного падежа имеют одинаковые формы определяющих слов для существительных одушевленных и неодушевленных: *вижу красивую деревню* и *красивую девушку, вижу большое поле* и *большое животное*. Зато в винительном падеже множественного числа формы для определяющих слов у существительного женского и среднего рода различаются в зависимости от того, обозначают ли они неодушевленные или одушевленные «предметы»: *вижу красивые деревни*, но *вижу красивых девушек, вижу большие поля, но вижу диких животных*. Из

этого неумолимо вытекает необходимость разделить по параметру «род» как одинаковый набор форм определяющих слов и существительные женского и среднего рода так же, как и мужского, на две разные группы, неодушевленные и одушевленные. И неважно, что это различие совпадает в 11 других формах (6 падежей единственного числа + 5 падежей множественного числа) и не совпадает только в одной-единственной форме винительного падежа множественного числа, это все-таки разные, а не совпадающие, наборы [1].

Нетрудно видеть, что слова парного рода не разделяются на два типа, поскольку все существительные этого типа — неодушевленные. Добавлю, что местоимение *кто* принадлежит к мужскому одушевленному (*кто такой, кого такого, кому такому, кого такого, кем таким, кем такими, (о) ком таких*) и женскому одушевленному (*кто такая, кого такой, кому такой, кого такую, кем такой, (о) ком такой* и т.д.), т.е. общему роду (к нему принадлежат и местоимения *я* и *ты*). *Что* — неодушевленный средний род (*что такое?*).

Распределение существительных по различным родам обычно не влияет на точное понимание предъявленного текста, т.е. на чтение и/или аудирование, кроме случаев с существительными общего рода. Зато при создании текста, т.е. при письме и чтении, необходимо точно следовать тем правилам выбора согласованных определяющих слов, которые предопределены родом определяемого существительного. Обычно этот выбор носит сугубо формальный характер, а нарушения правил такого выбора «режут глаз/ухо», но не влияют на смысл соответствующих словосочетаний, предложений, текстов.

Итак, родовая принадлежность существительного представляет собою исключительно норму, которая может изменяться в процессе живого употребления. Достаточно напомнить сколь острые, столь и бессодержательные споры относительно *черный кофе* (старая строгая форма) или *черное кофе* (новое распространенное явление, обусловленное иноязычным происхождением и формальной стороной слова *кофе*). Вообще родовая принадлежность таких относительно новых для русского языка слов, как аббревиатуры и заимствования (особенно оканчивающиеся на гласные), — область воздействия разнонаправленных сил. С одной стороны, исход на гласный в иноязычном слове «требует» присоединить его к среднему роду. С другой стороны, существующий русский эквивалент «тянет» в сторону собственной родовой принадлежности. Ср. *биеннале* (*наше* и *наша*, как *выставка*), *джакузи* (*наше* и *наша*, как *ванна*), *евро* (*одно* и нормативное *один*, как *доллар, франк, рубль* и т.п.). Это в конце концов приводит к тому, что разные словари дают различные родовые характеристики новейших иноязычных заимствований [2].

Именно отсутствие всякой семантической опоры в распределении существительных, особенно неодушевленных, по родам приводит в

живой речи к разнообразным неоднозначным решениям относительно выбора формы согласуемых с существительным слов. Таким образом, все эти разнообразные колебания противопоставлены только существительному общего рода, при которых форма согласуемых слов имеет ясную семантическую роль – обозначать **пол** живого существа как мужской или как женский.

2

Очевидно, что обозначение **пола** живого существа (животного и/или человека) выступает как важная семантическая задача. Кроме уже упомянутого случая со словами общего рода, для которых характеристика по **полу** однозначно выражается с помощью **родового** противопоставления согласуемых слов, в русском языке существует еще несколько способов обозначения противопоставленности живых существ по полу.

1. Многочисленные слова, обозначающие людей по должности и/или профессии (*директор, декан, секретарь, канцлер, президент, врач, бухгалтер* и т.п.) лишь весьма робко следуют за словами общего рода при обозначении различий по полу. Эта робость заключена в том, что обсуждаемые слова последовательно пошли за словами общего рода лишь в возможности соединения с формами и мужского, и женского родов личных форм глаголов, обычно оканчивающихся на *л, ла*: *президент заявил* и *заявила, бухгалтер сказал бы* и *сказала бы, секретарь принес* и *принесла*. При этом, в отличие от слов общего рода, женский род глагольной формы сообщает о том, что субъект действия – женщина, а мужской род вовсе не указывает на мужчину, но лишь сообщает, что пол действующего лица неизвестен.

В отличие от слов общего рода слова обсуждаемой группы довольно неохотно соединяются с согласуемыми словами в форме женского рода (? *наша декан, ? опытная бухгалтер*). И только в этом случае указывают на лицо женского пола. При согласованных формах мужского рода так же, как и в сочетаниях с глаголами, пол действителя остается никак не обозначенным. Более того, слова обозначенной группы, пусть и с трудом, но допуская согласованные формы женского рода в именительном падеже, никогда не допускают формы женского рода в косвенных падежах: * *у нашей декана, * к опытной бухгалтеру, * с любимой президентом* и т.п. Еще в середине прошлого века эти слова рассматривались исследователями как «кандидаты в общий род». Предполагалось, что слова типа *врач, президент, секретарь*, встретившись с необходимостью различать пол называемых таким образом лиц, пойдут по пути слов общего рода типа *зануда, соня, староста*. Однако это предположение не осуществилось: *врач* и подобные слова лишь вступили на путь слов общего рода, отказавшись от дальнейшего следования в их русле [3].

Одновременно выяснилось, что слова этого типа плохо используют для характеристики по полу обладателей чинов и должностей не только опыты слов общего рода, но и словообразовательные возможности русского языка. Как известно, именно многочисленные суффиксы со значением «женский пол» широко используются для обозначения именно женского пола лиц или животных. Однако на фоне более или менее нейтральной *секретарши* многие другие подобные образования типа *деканша, президентша, бухгалтерша, врачиха* содержат отрицательный оценочный компонент, весьма редко соответствующий замыслу производителя речи. Кроме того, эти образования, как это было еще в XIX веке, могут предполагать названия жен по мужу (ср. *генеральша*, ироническое *послица* или *послиха* как «жена посла»).

Осмелюсь утверждать, что на соответствующем участке (слова, обозначающие людей по их должностям, чинам, званиям и т.п.) до сих пор не найдено оптимального способа для обозначения противопоставления мужчин и женщин. Остается не выполненным наилучшим образом очевидный социальный заказ времени, когда женщины стали активно выполнять те социальные роли, которые раньше были привилегией мужчин. Отражая в языке именно предшествующий этап жизни, язык не сумел эффективно откликнуться на изменения в общественной жизни, просто и последовательно отразив эти социальные изменения. Замечу, однако, что, не обладая никакими формальными маркерами женского рода, обсуждаемые слова, сохраняя свою принадлежность к мужскому роду, изменили под воздействием социальных перемен свою семантику, называя не лиц мужского пола, но оставляя гендерную составляющую никак не выраженной. Старое слово *учитель* в значении «лицо, преподающее в средней школе» принадлежит в современном русском языке к мужскому (одушевленному) роду: только *наш учитель сказал* и *вижу хорошего учителя (опытных учителей)*, обозначая при этом лиц, чей пол неизвестен: *Моя сестра (она) — учитель* и *Мой отец (он) — учитель*. Те же соображения применимы и к словоформам множественного числа типа *студенты, ученики, первоклассники, выпускники, абитуриенты* и т.п. Когда Вера Марецкая в классическом советском фильме «Сельская учительница» говорит: «Вы теперь не просто мальчики и девочки, вы теперь ученики», предполагается, что форма *ученики* обозначает детей обоего пола, хотя, конечно, слово *ученик* — мужского **рода** (*хороший ученик был, хорошего ученика нет* и т.п.).

2. Наиболее распространенный и эффективный способ модификации названий живых существ по полу — это суффиксация. При этом существуют разные случаи. Исходное наименование ничего не сообщает о поле. Тогда суффиксальный дериват способен указать на женский пол: *слон — слониха, тигр — тигрица, медведь — медведица (медведиха), волк — волчица (волчиха)* и т.п. Многие пишущие стихи женщины

предпочитают для себя «бесполое» слово *поэт*, но не *поэтесса*. Точно так же исходное существительное может указывать на мужской пол, а его дериват — на женский и в названиях лиц: *студент* — *студентка*, *москвич* — *москвичка*, *бог* — *богиня* и т.п. Добавлю, что в качестве существительного, называющего существо, пол которого неизвестен, могут выступать не только существительные мужского рода, как в примерах выше, но и женского рода: *белка*, *косуля* (ср. *олень* — ? *олениха*), *антилопа*, *выдра*, *муха* и т.п. Предложение *У меня есть собака и кошка* ничего не сообщает о том, каков пол обоих животных. А *кот* сообщает о самце. Слово *пес*, отличаясь от слова *собака* по роду, также не обозначает пол животного.

Подчеркну еще раз, что для уточнения вопроса о том, каков пол животного, апелляция к роду слова абсолютно бессмысленна. Во всех этих случаях следует принципиально иметь в виду и такую возможность, когда в литературном русском языке отсутствует возможность указать именно на «женский пол»: *вобла* и *сельдь* («с икрой или молокой?»), *кукушка* и *пеночка* и некоторые другие. В то же время многие, особенно хозяйственно важные, животные обозначают самцов и самок словами с разными корнями: *петух* и *курица*, *корова* и *бык*, *баран* и *овца*, *кобель* и *сука* и некоторые другие.

Существительные со значениями «мужской пол» и «женский пол» выступают как равноправные, а не как связанные с модификацией по параметру «женский пол» в случаях именовании людей по национальности и/или гражданству: *англичанин* — *англичанка*, *болгарин* — *болгарка*, *японец* — *японка* и т.п. Во всех этих случаях суффикс со значением «мужской пол» меняется на «женский». Ср., однако, *серб* — *сербка*, *турок* — *турчанка*, как *москвич* — *москвичка*. То же семантическое соотношение и в случаях *вдовец* — *вдова*, *хозяин* — *хозяйка*, *господин* — *госпожа*, *свекор* — *свекровь* и т.п. Стоит обратить внимание и на редкие случаи, когда модификационная деривация меняет женский пол на мужской в отличие от доминирующего направления от мужского и/или невыраженного пола к женскому. Здесь на фоне *коза* — *козел* (со странным суффиксом, имеющим значение «мужской пол») заслуживают внимание вопросы о том, как образовать название лиц мужского пола от *балерина* (*балерун?*) или *машинистка* (ныне весьма устаревшее). В последнем случае один авторитетный лингвист предлагал *копиист* на пишущей машине, а в первом, конечно же, *солист балета*.

Особенностью словообразовательного способа обозначения характеристик живого существа по полу являются две типичные для словообразования черты: 1) большое (более 10) количество синонимичных суффиксов и 2) крайне прихотливые и трудно уловимые, хотя и весьма строгие, так сказать, правила сочетаемости этих суффиксов с модифицируемыми основами. Эти обстоятельства весьма затрудняют выбор

модифицирующего суффикса в процессе активных речевых действий. Здесь весьма мало строгих закономерностей. Исключениями на этом фоне являются суффикс –*ниц(а)* при мотивирующих существительных с суффиксом –*тел(ь)* (*читатель – читательница, учитель – учительница* и т.п.), а также суффикс –*н* (*–а*) при мотивирующих существительных с суффиксом –*ун* (*бегун – бегунья, колдун – колдунья* и т.п.). Однако и здесь не без исключений: *опекун – опекунша* (не **опекунья!*).

При словообразовательной модификации по параметру «женский пол» как «бесполых» существительных, так и существительных со значением «мужской пол» соотношение **рода** производного и производящего существительных выступает как следствие семантических преобразований, но никак не их цель. Как обычно, род во всех таких случаях играет роль как сочетаемостная характеристика слова, а отнюдь не как семантический признак отражаемой словом действительности. И многочисленные случаи совпадения по названию, мужской род – мужской пол, женский род – женский пол ничуть не колеблют принципиального противопоставления, где род – сочетаемостное свойство существительного, а пол – это важная семантическая характеристика названного существа.

Литература

1. *Зализняк А.А.* Русское именное словоизменение. М., 1967.
2. Новые тенденции в русском языке XXI века / Под ред. Л.В. Рацибурской. М., 2014. С. 53–65.
3. Русский язык и советское общество. Морфология и синтаксис современного русского литературного языка. М., 1968.

Окончание следует

МГУ им. М.В. Ломоносова